

А.В. Маклюков

**МОБИЛИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР (1929–1945 ГГ.)**

A.V. Maklyukov

**MOBILIZATION MODEL OF ELECTRIFICATION
OF THE USSR FAR EAST (1929–1945)**

Аннотация. Анализируется процесс электрификации Дальнего Востока как составной части мобилизационной модели развития экономики СССР в 1929–1945 гг., раскрываются региональные особенности его осуществления. Установлено, что, в отличие от западных районов страны, на Дальнем Востоке изначально отсутствовала необходимая энергетическая инфраструктура, не было создано резервов мощностей для индустриализации региона, а времени и ресурсов на крупное энергетическое строительство и реализацию пятилетних планов не хватило.

Ключевые слова: электрификация, мобилизационная модель, индустриализация, промышленность, российский Дальний Восток.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что с усилением регулирующей роли государства в обеспечении социально-экономического развития Российской Федерации изучение и переосмысление исторического опыта советской индустриализации обретают важное научное и практическое значение. Мобилизационная модель развития экономики СССР в 1930-е гг. была направлена на достижение чрезвычайных целей с помощью исключительных средств и экстренных организационных форм. Для индустриального скачка в сжатые сроки стране потребовалось воссоздание национальной научно-технологической базы и повышение эффективности общественного производства. В условиях формирования мобилизационной экономики природные богатства и геополитический потенциал Дальнего Востока стали важными источниками для укрепления индустриальной мощи страны. Освоение дальневосточных территорий в свою очередь требовало от государства выработки

подходов и принятия решений для развития транспортной, производственной и социальной инфраструктуры.

В современных историко-экономических исследованиях мобилизационная модель используется для анализа макро- и микроуровневых процессов, характеристики мероприятий модернизационных преобразований в СССР в конце 1920-х – середине 1940-х гг. В базовые принципы данной модели исследователи включают государственную монополию ресурсов, централизацию управления, наличие целенаправленной программы развития, широкое применение внеэкономических методов принуждения, коллективный характер выполнения заданий, достижение цели любой ценой [Гончаров, 2013; Побережников, 2009; Погребанская, 2020]. Региональные аспекты мобилизационной модели на Дальнем Востоке изучались в контексте создания оборонного потенциала, индустриального и транспортного освоения, внутривнутриполитических и социальных трансформаций и т.д. Авторы [Ткачева, 2022; Зеляк, 2015] подчеркивали, что мобилизационная модель на Дальнем Востоке сочетала в себе военно-стратегическую, экономическую и социальную политику, реализуемую в условиях малой заселенности, географической оторванности, экономической отсталости и неосвоенности региона. Специфика региона определила основные черты экономического развития – ускоренное освоение природных ресурсов и укрепление оборонного потенциала [Маклюков, 2022].

Цель данной статьи – проанализировать процесс электрификации Дальнего Востока как составной части мобилизационной модели развития экономики СССР, раскрыть региональные особенности его осуществления.

Методологической основой исследования являются традиционные исторические методы. Исследование опирается на корпус неопубликованных источников, выявленных в фондах федеральных и региональных архивов. Основными разновидностями изученных делопроизводственных документов являются постановления правительства и распоряжения местных органов власти, касающиеся электрификации региона, планы, аналитические записки, справки, статистические материалы, годовые отчеты электростанций.

Фундаментом для формирования мобилизационной экономической модели в СССР стал план ГОЭЛРО, утвержденный прави-

тельством в 1920 г. План электрификации являлся первой масштабной программой развития экономики страны на 10–15 лет, он создавал необходимые политические и идеологические условия для консолидации интеллектуальных, трудовых, финансовых и материально-технических ресурсов советского государства, позволил направить политику в единое русло крупного энергетического строительства.

В странах Европы и США крупные частные электротехнические корпорации не обладали такими ресурсами и возможностями, как Главэлектро ВСНХ СССР – главный государственный орган по электрификации страны [Lewis, 1994. Р. 182]. Однако планирование электрификации Дальнего Востока началось значительно позже, чем в западных районах страны. Это было связано с затянувшейся Гражданской войной и ее последствиями. В условиях дефицита средств и отсутствия понимания у властей будущего индустриального облика региона созданные в середине 1920-х гг. местные плановые органы смогли наметить приблизительный план электрификации. Центр ничем не мог помочь региону, который функционировал в режиме относительной автономности.

На рубеже 1920–1930-х гг. в системе планирования СССР происходят изменения, связанные с индустриализацией страны и сдвигом индустрии в восточные районы, что подстегивалось необходимостью укрепления оборонного потенциала в условиях обострившейся борьбы за передел мира. В апреле 1929 г. ЦК ВКП(б) принял специальное решение об ускорении социалистического строительства на Дальнем Востоке, а год спустя, в феврале 1930 г., ВЦИК и СНК РСФСР обязали Госплан РСФСР создать условия для резкого увеличения удельного веса региона в промышленном производстве СССР [Дальний Восток России..., 2018. С. 150].

С включением Дальнего Востока в общесоюзную плановую систему в 1931–1932 гг. разрабатывался «Генеральный план электрификации Дальневосточного края». Согласно плану, в регионе намечалось построить 15 крупных электростанций, к 1945 г. ввести в строй 2000 тыс. кВт мощностей. На практике генплан оказался бесполезным. Дальневосточные ученые, участвовавшие в разработке плана, не могли точно определить, где следует строить крупные электростанции и на каком топливе или источнике энергии они будут работать. Они лишь рекомендовали усилить деятельность

научных институтов по изучению энергоресурсов Дальнего Востока¹.

В середине 1930-х гг. из центральных организаций для проектирования электростанций в регион стали приезжать специалисты из управления Главэнерго, Главвостокэнерго, Северо-Западного отделения Всесоюзного государственного проектного института Теплоэлектропроекта и других структур². Лишь ко времени составления третьего пятилетнего плана у Дальплана и Госплана СССР появились материалы, позволяющие более точно обозначить объекты энергетического строительства, объемы и сроки работ, рассчитать параметры роста электропотребления.

Изменения геополитической ситуации в мире и пограничные конфликты на дальневосточных границах СССР в конце 1930-х гг. привели к переоценке значимости дальневосточных рубежей в обеспечении безопасности страны. В третьей пятилетке советское правительство планировало превратить Дальний Восток в мощную всесторонне развитую индустриальную базу, укрепляющую обороноспособность границ.

Третий пятилетний план развития региона был утвержден на XVIII партийном съезде ВКП(б) 10–21 марта 1939 г. Раздел плана, касающийся электрификации региона, был развернутым, конкретным и детальным. В нем ставилась задача по созданию трех энергетических узлов: Комсомольского, Хабаровского и Приморского. Намечалось в течение 2–3 лет построить ряд угольных электростанций, а к 1942 г. ввести в строй Комсомольскую ТЭЦ-1, Хабаровскую ТЭЦ и Сучанскую ГРЭС, увеличить общую мощность энергетической базы в 4,7 раза, а выработку электроэнергии – в 3 раза³.

Для реализации плана 17 декабря 1939 г. во Владивостоке был образован государственный трест по строительству и монтажу электростанций, подстанций и линий электропередачи Дальэнергострой. Однако строительная база треста оказалась очень слабой для организации работ, строительной техники и трудовых ресурсов не хватало. В 1941 г. Дальэнергострой имел всего 2 экскаватора, 2 кра-

¹ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 575. Л. 74.

² РГИА ДВ. Ф. Р-2848. Оп. 1. Д. 174. Л. 18.

³ Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938–1942 гг.). М., 1939. С. 147–148.

на, 8 тракторов, 6 камнедробилок и 16 бетономешалок. Кадровый состав удалось укомплектовать только на 28 %. К строительству запланированных объектов трест практически не приступил, а 2 октября 1941 г. был ликвидирован⁴.

Итак, времени, материальных и трудовых ресурсов на крупное энергетическое строительство на Дальнем Востоке не хватило. С началом Великой Отечественной войны в июле 1941 г. приказом НКЭС СССР строительство Комсомольской ТЭЦ-1 и Хабаровской ТЭЦ подлежало консервации, а по распоряжению Госплана СССР выделенное для них оборудование было вывезено за Урал⁵.

В условиях индустриализации и динамичного роста электропотребления электрификация дальневосточной части СССР осуществлялась в режиме принятия промышленными наркоматами и разными ведомствами текущих решений и их корректировок с учетом производственных задач. Ведомственный принцип определил сущность мобилизационной модели электрификации региона, в котором, в отличие от западных районов страны, изначально отсутствовала необходимая энергетическая инфраструктура, не было создано по плану ГОЭЛРО резервов мощностей.

На Дальнем Востоке каждый наркомат вместе с предприятиями строил собственные электростанции, выбирал их месторасположение, тип, мощность, источники топлива. Наркоматы между собой не согласовывали вопросы, связанные с развитием электрического хозяйства в районе, вели борьбу за финансовые ресурсы, поставки электрического оборудования, кадры. В реалиях конца 1920-х – середины 1940-х гг., с учетом резко ухудшающейся внешнеполитической обстановки, уровня развития Дальнего Востока и его оторванности от центральной части страны, у государства, создающего мобилизационную экономику в кратчайшие сроки, не было другого варианта электрификации такой периферийной и неосвоенной территории.

Строительство энергетической инфраструктуры на Дальнем Востоке начиналось не только без конкретного плана, но и контроля со стороны центральных и местных органов власти. В августе 1931 г. Дальневосточная рабоче-крестьянская инспекция констатировала,

⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7855. Оп. 1. Д. 12. Л. 3, 31, 34; Оп. 2. Д. 94. Л. 33.

⁵ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-35. Оп. 3. Д. 195. Л. 2.

что строительству мешает «ведомственная автономность и параллелизм, распыляющие материальные и денежные средства, понижающие эффективность капиталовложений в энергетику»⁶.

Происходила неразбериха: правительством то принимались, то отменялись решения по строительству энергообъектов. Так, СНК СССР в постановлении от 13 августа 1930 г. поручал Главэнерго ВСНХ ввести в строй Артемовскую ГРЭС в октябре 1932 г. Однако СТО постановлением от 13 марта 1933 г. его отменило, исключив станцию из строящихся объектов, а заложенные средства перераспределив в пользу электростанций в западных районах СССР. Далькрайисполком возразил такому решению, отметив, что оно привело к напрасной растрате уже вложенных средств⁷.

Только во второй пятилетке энергетическое строительство в регионе пошло уже в более организованном русле. Решения о строительстве электростанций принимались СТО, СНК, Госпланом СССР, Главэлектро ВСНХ, Главэнерго НКТП, Главвостокэнерго, Далькрайисполкомом. Дальневосточные партийно-хозяйственные органы курировали энергетические стройки и докладывали о состоянии дел в СНК, Главэнерго, Госплан, а также в ЦК ВКП(б).

Непосредственно под управлением главного органа по электрификации страны – Главэнерго НКТП – на Дальнем Востоке в 1930-е гг. удалось построить только одну крупную электростанцию – Артемовскую ГРЭС (24 000 кВт) на юге Приморья. Первую очередь ввели в строй с грубыми недоделками и нарушениями в начале 1937 г. В строительные работы было вложено 104,7 млн руб. В пояснительной записке Госплана СССР по поводу дороговизны объекта указывалось, что станция возводилась в сложных природно-климатических условиях, при полном бездорожье, удаленности стройки от крупных населенных центров, слабости местной стройиндустрии⁸.

Все остальные электростанции на Дальнем Востоке – от мелких передвижных генераторных до капитальных – строились и управлялись разными наркоматами. Всего в Хабаровском крае к 1940 г. было введено в строй 230 ведомственных электростанций, преимуще-

⁶ ГАХК. Ф. Р-907. Оп. 1. Д. 6. Л. 95.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 14. Д. 220. Л. 5; РГИА ДВ. Ф. Р-2848. Оп. 1. Д. 343. Л. 30.

⁸ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 34. Д. 337. Л. 27.

ственно мелких. В самом Хабаровске восемь разных наркоматов имели 19 электростанций суммарной мощностью 23 186 кВт, лишь одна из них – НККХ 6000 кВт – работала на двух современных отечественных паротурбинах ОК-30 и угольном топливе, остальные – на дизельных генераторах. В городе отсутствовала единая электрическая сеть, станции работали изолированно друг от друга. Децентрализация энергического хозяйства порождала множество проблем, связанных с дефицитом электроэнергии, перебоями в подаче тока. Бюро Далькрайкома ВКП(б) в постановлении от 3 марта 1940 г. признавало сложившуюся ситуацию с электроснабжением в Хабаровске катастрофической⁹.

Характерная особенность электрификации региона в рассматриваемый период – повсеместное внедрение маломощных локомотивных и дизельных электростанций, мобильных дизель-генераторов для энергообеспечения предприятий, населенных пунктов, военных городков и объектов оборонного значения. Завозимые в регион локомотивные и дизельные станции были самых различных марок, годов производства и стран происхождения – Германии, Англии, Чехии, Японии, США, СССР. Подчас они представляли собой демонтированное, изношенное и списанное оборудование с заводов центральных районов СССР. Временные или мобильные электростанции быстро удовлетворяли спрос на электричество, питая отдельно каждого потребителя, особенно в труднодоступных районах.

Оборудование для ввода в строй мелких электростанций динамично завозилось на Северо-Восток. Так, на предприятиях Дальстроя на 1 января 1941 г. насчитывалось 210 локомотивных и 1174 дизельных генераторов суммарной мощностью 35 700 кВт, 40 % от них приходились на станции, сжигавшие древесину. Более сотни мелких дизель-генераторов ввели в строй для предприятий Камчатки и Чукотки. В Петропавловске-Камчатском из-за угрозы налета японской авиации правительство отказалось от строительства ТЭЦ, и для обеспечения судоверфи электричеством запустили электростанцию, состоящую из пяти независимо работающих дизель-генераторов по 500 кВт¹⁰.

⁹ ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 9. Д. 53. Л. 14-об; ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 24а. Д. 932. 4-об.

¹⁰ Государственный архив Магаданской области (ГАМО). Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 17а. Л. 45; РГАЭ. Ф. 8198. Оп. 2. Д. 317. Л. 8.

С началом Великой Отечественной войны темпы ввода в строй ведомственных электростанций в регионе резко сократились, что вызвало энергетический кризис. Электротехническое снабжение из центра практически прекратилось. В 1943 г. по Тихоокеанскому маршруту через порт Владивосток генерирующее оборудование в виде энергопоездов, энерговагонов, турбогенераторов и динамо-машин стало поступать в рамках программы ленд-лиза из США. В том же году предприятия Дальстроя получили 8 турбогенераторов фирмы Westinghouse Electric Company по 1000 кВт каждый. Всего за годы войны только Хабаровский край получил американских генерирующих установок суммарной мощностью 60 000 кВт¹¹.

Мобилизационный путь электрификации привел к значительному количественному росту ведомственных электростанций. Если в 1928 г. на Дальнем Востоке насчитывалось всего 14 источников генерации, то на начало 1941 г. – 668, не считая 1200 мелких дизель-генераторных установок. В 1945 г. только в Хабаровском крае функционировало 427 электростанций, из которых 271 принадлежала промышленным и транспортным предприятиям, 86 – колхозам и совхозам, 8 – коммунальным и 62 – остальным организациям¹².

Характерной чертой мобилизационной модели являлось резкое ухудшение качества обеспечения электричеством населения. На рубеже конца 1920–1930-х гг. из-за промышленного спроса на энергоресурсы жители городов Дальнего Востока стали нерегулярно получать электроэнергию, а иногда и полностью ее лишаться. Общественные учреждения и жилые дома отключались от подачи тока в пики нагрузок, лампочки в квартирах из-за низкого напряжения светили тускло, а на использование электробытовых приборов вводились строгие запреты. В 1928–1940 гг. в общем электробалансе региона электропотребление на бытовые нужды снизилось с 18 до 6 %. Если в 1940 г. в СССР потребление электричества на душу городского населения в среднем составляло 100 кВт·ч в год, на Дальнем Востоке при самой низкой плотности населения в стране в 2 раза меньше – 48 кВт·ч¹³. В годы войны в дальневосточных городах коммунальные

¹¹ ГАМО. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 89. Л. 61; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 218. Л. 41-об.

¹² ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 9. Д. 78. Л. 14 об.

¹³ ГАХК. Ф. Р-719. Оп. 8. Д. 93. Л. 4.

и бытовые нагрузки резко урезались, наружное и уличное освещение использовалось редко, незначительное количество электроэнергии отпускалось для освещения административных зданий, больниц, школ и детских садов.

Таким образом, в мобилизационной модели процессы электрификации Дальнего Востока были целиком сосредоточены в руках государства, подчинены общим задачам создания индустриальной экономики и укрепления обороноспособности страны. На Дальнем Востоке, в отличие от западных районов страны, изначально отсутствовала необходимая энергетическая инфраструктура, не было создано по плану ГОЭЛРО резервов мощностей, а времени и ресурсов на крупное энергетическое строительство и реализацию пятилетних планов не хватило. Мобилизационный характер ускоренного развития производительных сил в регионе обуславливал децентрализованный ведомственный путь развития электроэнергетики. Такой малоэффективный с экономической точки зрения принцип электрификации позволял удовлетворять текущие потребности промышленности в электричестве, в краткосрочной перспективе решать задачи мобилизационного характера, но создавал несовершенную энергетическую базу. В результате произошел резкий разрыв между темпами роста индустриальной экономики региона и электроэнергетики, который к началу Великой Отечественной войны перерос в энергетический кризис. Этот разрыв превратился в одну из главных проблем экономического развития региона, которую государству, несмотря на все дальнейшие усилия и инвестиции, направленные на электрификацию, так и не удавалось решить до конца советской эпохи.

Литература

Гончаров Г.А., Баканов С.А., Гришина Н.В., Пасс А.А., Фокин А.А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке. Челябинск: Энциклопедия, 2013. 128 с.

Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 года. Владивосток: Дальнаука, 2018. 650 с. (История Дальнего Востока. Т. 3. Кн. 2).

Зеляк В.Г. «Валютный цех страны»: история развития горнопромышленного комплекса Северо-Востока России в 1928–1991 гг. Томск: Изд-во ТГУ, 2015. 466 с.

Маклюков А.В. Особенности модернизации российского Дальнего Востока: имперская и советская модели индустриального освоения // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 1. С. 92–108.

Побережников И.В. Мобилизационные механизмы в контексте модернизации (теоретические аспекты) // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX в.: сборник материалов Всерос. науч. конф. Челябинск: Энциклопедия, 2009. С. 95–100.

Погребанская В.А. Мобилизационная модель догоняющей модернизации России (первая половина XX века) // Экономическая политика. 2020. № 2. С. 82–90.

Ткачева Г.А. Мобилизационная модель модернизации Дальнего Востока СССР в 1920–1930-е гг. // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2022. Т. 37. С. 63–82.

Lewis R. Technology and the transformation of the Soviet economy // The economic transformation of the Soviet Union, 1913–1945. N.Y.: Cambridge University Press, 1994. P. 182–197.